

The illustration depicts a somber scene in a cemetery. A man in a dark Soviet military uniform, with a peaked cap and a serious expression, stands with his arms crossed, holding the hands of an elderly woman. The woman is wearing a dark coat and a headscarf, looking down with a sorrowful expression. In the background, several stone crosses mark graves, and a steam locomotive is visible on a distant track. The overall tone is dark and melancholic.

СЕРГЕЙ ШКРЕБКА

КРАПЛЕНЫЕ
карты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Шкребка

Краплённые карты

«Автор»

2026

Шкребка С. А.

Краплёные карты / С. А. Шкребка — «Автор», 2026

Мрачный детектив о том, что настоящий флэш-рояль иногда собирается ценой жизни. Восемь лет назад следователь Аркадий Бубнов потерял жену, карьеру и смысл жизни. Поездка в поезде со странными пассажирами дает силы вернуться к расследованию. Чтобы найти убийцу, ему придётся сложить колоду из разрозненных фактов и сыграть в краплёные карты с тем, кто давно считает себя тузом.

© Шкребка С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Шкробка

Краплённые карты

Глава 1.

Тамбур

В ровном перестуке поезда была своя магия. За окном тяжёлые головы подсолнухов странным образом были обращены не к солнцу, а поворачивали свой чёрный лик вслед вагонам, отчего возникало впечатление, будто сотни и тысячи глаз провожают поезд в последний путь.

Аркадий вышел в тамбур, сунул в рот сигарету и щёлкнул зажигалкой. Колёсико прокрутилось вхолостую, не выдав ни искры, ни пламени. Он потряс её, чертыхнулся, попробовал снова. Кремень стёрся или газ закончился — вроде мелочь, но это уже был сигнал: что-то пошло не так.

— Уважаемые... пассажиры... — раздалось из динамика.

Аркадий убрал большой палец с колёсика. Эту манеру выдерживать паузу, чтобы ты сам успел договорить фразу, он узнал бы и через десять лет.

— Поезд следует... до станции... «Принятие».

Аркадий криво усмехнулся. Полгода в клинике, дважды в неделю он слышал этот голос, который цедил слова, как яд по капле: «И как вы себя... чувствовали... когда поняли... что жены больше нет?»

— Нигде от тебя покоя нет, — пробормотал он, убирая сигарету за ухо. — Что, мозгоправ гавёный? Частная практика не задалась?

Динамик смолк, из него всё ещё сочилось едва слышное шипение, словно на том конце не выключили микрофон, но не хотели отвечать. Состав набирал ход, перестук на стыках становился чаще, заполняя тишину тамбура вместо голоса. Аркадий смотрел, как подсолнухи за окном замелькали быстрее, теряя очертания, сливаясь в одно золотистое пятно, которое пульсировало в такт перестуку колёс, действовало гипнотически и не желало гаснуть, даже если зажмуриться.

— Вот бля, и покурил! И какое нах... «Принятие», — сплюнул в сердцах он и толкнул дверь из тамбура в вагон.

Сейчас дойдёт до полки, ляжет лицом к стенке и проспит до самой Твери, плевать, что там объявил этот динамик.

Дверь не поддавалась. Толкнул сильнее и понял, что та заблокирована. Изо всех сил дёрнул дверь напротив, в другой вагон. Металлическая ручка больно впилась в ладонь, но бесполезно, этот проход тоже не работал.

Он оказался заперт в грязном, заплёванном тамбуре.

— Влип ты, Аркаша! По самое небалуи, — раздался из угла хриловатый, довольный голос.

Аркадий резко обернулся, рука по старой привычке дёрнулась к поясу, где когда-то висела кобура. В углу, на корточках, сидел мужичок в засаленной кепке. Ростом он был не больше метра, да и то вместе с этой кепкой. Лузгал семечки, ссыпал шелуху прямо на грязный пол и улыбался щербатым ртом.

— Ну... чего уставился? Я твоя Гордыня. Можно Гога. Семки бушь? — он протянул немытую ладонь с горстью жареных семечек.

Аркадий не удивился. За восемь лет запоя он и не такое видел, персонаж в засаленной кеппе был не самым оригинальным. Сознание, пропитанное алкоголем, давно перестало фильтровать реальность.

— Гордыня — это грех, — спокойно ответил он. — А ты на чёрта не больно-то похож.

— А ты чаво, чертей видал?

— Было дело. Захаживал один. С белочкой на плече.

Гога заливисто расхохотался, закидывая в рот очередную горсть семечек. Потом прищурился и стал совершенно серьёзным, только в глазках-бусинках плясало откровенное ехидство.

— Фамилия у тебя по масти, папа-генерал. А ты кто? Командир гранёного стакана? Или даже он тобой помыкает? Ты ж, Аркаша, сам себя из козырей выписал. Восемь лет в битых картах ходишь, вроде как шестёрка. Но я-то знаю, что ты не шестёрка. Я твоя Гордыня, мне виднее.

Слово «папа-генерал» резануло слух. Аркадий сжал зубы и ничего не ответил. Восемь лет прошло, а боль не затянулась. Об отце он не говорил ни с кем и уж точно не собирался делать это с щербатой галлюцинацией.

— Заткнись, — тихо сказал Аркадий.

— Не... Мне триндеть по статусу положено. Я ж твоя Гордыня. Ты думаешь, что смог бы продержаться без меня? А кто тебе каждый день твердил: «Ты гений, Бубнов, ты всех переигрываешь, ещё докажешь этому генералу, кто есть кто»? Правда в том, что без меня ты бы вообще не выплыл.

Дверь вагона бесшумно отъехала в сторону, и в тамбур шагнула высокая, стройная женщина с длинным мундштуком в тонких пальцах. Она выдохнула струйку дыма, и Аркадия передёрнуло от до боли знакомого запаха. Аромат «Красной Москвы», ещё советских духов, которые Лена любила больше всяких французских.

— О, явилась, не запылилась, — хмыкнул Гога.

— А то! — ответила она, стряхивая пепел на пол.

Женщина до мельчайших деталей была похожа на Лену. Рыжеватые волосы, мягкая родинка над левой бровью и тёплая улыбка, которую Аркадий не видел восемь лет. Только взгляд был холодным, изучающим.

Аркадий сразу ощутил себя невымытым, в мятой одежде, из которой перегар не выветривается уже восьмой год. Сальные волосы прилипли ко лбу, грязь въелась в манжеты. Он выглядел как живое свидетельство собственного падения.

— Ты похожа на...

— Ага. На неё самую, ведь я твоя проекция идеальной женщины. — Она снова стряхнула пепел. — А как иначе? Ты же восемь лет только такую и помнишь.

Аркадий сумел выдавить из себя ироничную усмешку:

— Раз пошла такая пьянка, то должен быть и третий. По всем канонам вас должно быть трое.

Проекция и Гога переглянулись.

— Дед! Выходи, хорош прятаться!

Из тени, от стыка вагонов, где грохот колёс сливался с лязгом металла, выступил высокий старик в старом длинном пальто. Его появление сразу наполнило тамбур густым запахом перегара, который не выветривается годами.

— Разрешите представиться, я твоя Память. Помню всё, даже то, что очень хотелось бы забыть. Можно просто Дед.

Голос у старика был тихим и ровным, после хрипотцы Гоги и холодного тона Проекции он звучал почти успокаивающе.

Аркадий обвёл троицу взглядом. Прекрасная компания. Гордыня, Идеал и Память. Три демона, которые терзали его восемь лет.

— Я так понимаю, лекции о пользе здорового образа жизни не будет? — усмехнулся он.

— Не, — Проекция протянула ему мундштук. — На, прикури, если уж совсем невтерпёж.

Аркадий потянулся к ней, но Дед перебил, и в его голосе зазвенел металл:

— Успеется перекур устроить. А сейчас время не ждёт. Поговорим мы, товарищ бывший следователь по особо важным делам, о Леночке.

Лицо Аркадия мгновенно окаменело. Так было всегда, когда при нём касались раны, которую он восемь лет безуспешно заливал водкой.

— Не. Не. Не. Только не это.

— Нада, Аркаша. Нада. Закрой гештальт, — Гога развёл руками, и на этот раз голос стал серьёзным. — Ты ж не просто так сюда попал. Ты сам себя сюда привёл.

— Это личное. Да и восемь лет прошло. Я не помню ничего.

Дед запустил руку в недра пальто и извлёк пухлую картонную папку. Аркадий машинально взял, не успев испугаться. А потом увидел угловую печать транспортной прокуратуры и регистрационный номер уголовного дела, который помнил наизусть даже в дни самых сильных запоев. Перед глазами поплыли буквы. Возникло ощущение, что сердце подскочило в район горла и, как загнанное, забилося, перекрыв доступ воздуха. Он стоял и не мог вдохнуть — казалось, папка весила пять тонн. Пальцы онемели, бумаги посыпались на грязный пол тамбура, а вместе с ними развеялись восемь лет попыток залить те события алкоголем и не вспоминать.

— Не издевайся, старик, — хрипло сказал он. — Мне тогда флэш-рояль выпал, только я его в сортире просрал.

— А ведь вы с ней вместе ехать планировали, — напомнила Проекция. — А ты в «Пекине» с напарником бухал и анекдоты травил.

— Не в прикупе дело, — Дед покачал головой. — Ты ставки принял, а в карты даже не глянул. А там вся колода по масти шла, а ты спасовал.

Гога закатился смехом, закинул в рот новую порцию семечек и заговорил нараспев, явно наслаждаясь каждым звуком:

— Идёт мент по лесу, а навстречу ему ведьма. Мент ей: «Ты кто?» Она: «Совесь». Мент посмотрел на неё и говорит: «Какая-то ты мелкая, почти незаметная...» — но тут же поперхнулся и закашлялся, брызгая шелухой.

Проекция, стряхнув пепел, холодно закончила за него, глядя Аркадию прямо в глаза:

— Вот такая я совесть, мусорская.

Тамбур качнуло. Аркадий на долю секунды зажмурился, а когда разжал веки, за окном уже не было ни поля, ни солнца. Поезд въехал в черноту, только редкие огни тоннеля вспыхивали и гасли за стеклом, как удары пульса. А потом и вовсе погасли.

Глава 2.

Восемь лет назад

Август в Москве — это время, когда даже в кабинетах с кондиционерами душно, а на улицах даже асфальт плавится. Золотой вечерний свет заливал кабинет Аркадия, делая его уютным, почти домашним, несмотря на казённые стены и металлический шкаф с делами.

На столе стояла фотография в рамке: он и Лена на фоне моря. Её волосы трепал ветер, она смеялась — в этом фото было столько жизни, что хотелось засмеяться в ответ. Аркадий, тогда ещё капитан полиции, в конце рабочего дня заполнял бумаги. Хорошая карьера, уважение, мысли ясные, руки твёрдые — он чувствовал себя хозяином своей жизни.

Дверь распахнулась, и с улыбкой до ушей в кабинет влетел напарник, ровесник и вечный оптимист по жизни Костя Трефанов.

— Давай, собирайся! — выпалил он с порога. — Поляна в «Пекине» уже накрыта! Пацаны ждут!

— Костик, ты охренел? — Аркадий отложил ручку. — У меня поезд через два часа. Мы к тёще едем, Ленка сумки уже собрала. У Веры Степановны юбилей, шестьдесят лет. Я обещал.

Костя сделал загадочное лицо, выдержал театральную паузу и выпалил:

— Бросай свою деревню. Тут такое дело... Не отмажешься. Приказ подписан. Ты больше не капитан. Поздравляю, ты МАЙОР.

Новость была настолько неожиданной и радостной, что Аркадий опешил — на секунду весь мир замер. Майор. Он так долго к этому шёл. Медленно расплываясь в улыбке, он схватил телефон и набрал Лену.

Она ответила сразу, будто ждала звонка.

— Ленка, я задерживаюсь. Понимаешь, тут такое дело... приеду — расскажу.

В трубке повисла короткая пауза. Лена всегда чувствовала больше, чем он говорил.

— Я буду ждать на вокзале, — сказала она, и в голосе была лёгкая, едва уловимая тревога, которую он не услышал. — Не приедешь поеду сама.

— Ленка, я майор! — выпалил он, не в силах больше сдерживаться. — С ребятами отметим, утром поедем. Ты ж понимаешь...

— Понимаю, — она улыбнулась в трубку. — Поздравляю. Только...

Она хотела сказать что-то ещё, но Костя уже тянул его за рукав, а в коридоре шумели ребята. Аркадий повесил трубку. О чём она хотела сказать, он так и не узнал. И следующие восемь лет этот неоконченный разговор будет жечь его изнутри.

Ресторан «Пекин» встретил красным бархатом, золотыми драконами на стенах и густым ароматом китайской кухни — жареным мясом и едва уловимым запахом табака (да, несмотря на запрет, здесь курили). Графин с водкой, покрытый испариной, стоял в центре стола как алтарь.

— За майора Бубнова! Чтоб генералом стал! — Костя поднял первую рюмку.

Рюмка за рюмкой. Анекдоты. Хохот. Аркадий рассказывал свою коронную историю про мента и ведьму, и все покатывались со смеху. Телефон на столе загорался снова и снова: «Черва». Но музыка гремела, голоса сливались в общий гул, и никто не слышал вибрации. Снова «Черва».

В какой-то момент телефон от вибрации упал на пол и закатился под соседний столик. Аркадий не заметил, он пил за своё светлое будущее.

Лишь двое суток спустя, Аркадий очнулся на полу квартиры Кости. Голова раскалывалась, каждый удар сердца отдавался в висках тупой, пульсирующей болью. Во рту будто переночевал целый выводок кошек. Он с трудом разлепил веки.

Костя сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и смотрел на него с выражением искреннего сочувствия, похмельной мути и профессионального уважения. Они вдвоём ушатали такое количество водки, что любого другого давно бы уже увезли в реанимацию.

— Сколько времени? — прохрипел Аркадий, не узнавая собственного голоса.

— Все выходные пропили. — Костя покачал головой. — Вот это, брат, мы дали джазу. Я вообще ни хрена не помню. Последнее, что есть в памяти, так ты анекдот про мента и ведьму травишь. А дальше как отрезало.

Аркадий попытался сесть. Пол качнулся, пришлось опереться на локоть. Перед глазами плыли радужные круги.

— Телефон. Где мой телефон?

Он судорожно захлопал по карманам. Костя, заметив его панику, достал из заднего кармана джинсов знакомую трубку и протянул.

— На, держи. Спасибо скажи какому-то азиату. Нашёл и не прикарманил. Наверное, не дурак, догадался, что мы менты.

Аркадий кивнул, не вникая. Какая разница, кто нашёл телефон? Слово «азиат» пролетело на периферии сознания, но мысль не зацепилась. Голова была занята другим. Ленке позвонить нужно.

— Какому азиату? — машинально спросил Аркадий.

— А я откуда знаю? — Костя пожал плечами. — Они все на одну рожу. Всучил мне в руку и говорит: «Ваш товарищ обронил». Я ему даже рюмку предложил, а он отказался. Серьёзный такой, в костюме, при галстукке. Сидел за соседним столиком весь вечер.

Аркадий не слушал. Он непослушными пальцами набрал Лёну.

«Абонент вне зоны действия сети».

Набирал снова и снова.

«Абонент вне зоны действия сети».

Появилось чувство тревоги.

Судорожно перебирая адресную книгу, он позвонил теще.

— Аркашечка, родненький, вы где? — голос Веры Степановны дрожал. — Я жду вас вторые сутки! У Лёны телефон отключён! Что случилось?

Он не помнил, что ответил. Кажется, что-то про «всё хорошо».

Дальше всё дёргано. Вскочил. Опрокинул стул. Бежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ловил такси, а в голове билась одна мысль: «Всё хорошо. Она просто опоздала на поезд. И телефон разрядился. Всё хорошо. Всё должно быть хорошо».

Приходящая квартиры встретила тишиной и двумя аккуратно собранными сумками у двери. На столе лежала записка, придавленная солонкой, чтобы не улетела от сквозняка.

«Поздравляю, понимаю, не осуждаю, еду налегке. Привези сумки. Люблю. Целую. Лена».

Аккуратный, учительский почерк, старательно выведена каждая буква. Аркадий стоял и смотрел на эту записку, и до него медленно, как холодная вода, поднимающаяся от ног к горлу, доходила мысль: «Что-то случилось».

Открыл сумки. Платье, косметичка с зеркальцем, на котором микротрещина, книга, которую она читала перед сном, с закладкой на середине. Лена не могла уехать без этих вещей надолго.

Вечером того же дня он стоял в кабинете старшего советника юстиции транспортной прокуратуры, вытянувшись по стойке смирно. В старом кителе, но с новенькими майорскими погонами, которые обмывал все выходные в «Пекине». Лицо осунулось, под глазами залегли тени.

За столом сидел хозяин кабинета, с именем, не подходящим к внешности. Холодное, бесстрастное лицо и идеальный пробор. Пётр Иванович сидел, положив ладони на стол. Перед

ним лежало уголовное дело о пропаже Елены Бубновой и рапорт, который Аркадий написал дрожащей рукой на остатках трезвости.

— Ознакомился с вашим... рапортом, — произнёс Пётр Иванович, растягивая слова, как преподаватель научного коммунизма на скучной лекции. — Позвольте поинтересоваться, майор, на каком основании вы требуете допуска к расследованию?

— Я следователь, — ответил Аркадий, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Это моя жена. Я имею полное право.

— Вы? И право? — Пётр Иванович поднял бровь. — Вы, Бубнов, двое суток пили, пока ваша жена ждала вас на вокзале. Вы до сих пор не можете внятно объяснить, где находились в момент её исчезновения. И после этого вы говорите мне о праве?

— Я не убивал.

— А я разве сказал «убивали»? — холодно улыбнулся хозяин кабинета. Улыбка вышла тонкой, как лезвие. — Я сказал «исчезновение». Но вы сами заговорили об убийстве. Почему, майор? Может, вам есть что рассказать? Чистосердечное признание, знаете ли, смягчает вину.

Аркадий сжал кулаки. Двое суток пьянства и одна случайно оброненная фраза: «Я не убивал». Он сам вырыл себе яму, его действия сложились в ловушку, которая теперь захлопывалась. Он чувствовал это своим профессиональным чутьём и ничего не мог сделать.

— Я требую отстранения, — произнёс старший советник юстиции, подписывая какую-то бумагу. — Вы не следователь, Бубнов. Вы алкаш, который жену пропил. Более того, на данный момент вы единственный подозреваемый. Я намерен провести полное расследование лично. — Он нажал кнопку селектора. — Зайдите.

В кабинет вошли двое оперативников.

— Обыщите подозреваемого.

Они выворачивали карманы методично и безразлично. Ключи, бумажник, зажигалка, телефон. Всё ложилось на стол под протокол. А потом пальцы оперативника наткнулись на что-то в боковом кармане кителя. Коробок спичек. С логотипом вокзала.

Пётр Иванович подался вперёд. Он взял коробок двумя пальцами, как бесценную реликвию, и поднёс к свету.

— Надо же, — произнёс он тихо. — Спички с того самого вокзала, где в последний раз видели вашу жену. Какое... совпадение.

Аркадий молчал. Он действительно не помнил, как этот чёртов коробок оказался у него в кармане. Двое суток стёрлись из памяти начисто, оставив только мутное, тошнотворное пятно.

— Молчание, конечно, золото, — кивнул Пётр Иванович. — Но в вашем случае это выглядит как чистосердечное признание. В камеру его. Уведите подследственного.

С Аркадия срывали погоны. Треск ткани в тишине кабинета прозвучал как выстрел. Майорские звёзды упали на пол и покатались в разные стороны. Его взяли под руки и вывели. Провели по коридору, мимо стенда с фотографиями лучших сотрудников полиции за прошлый месяц, где красовалась его фотография ещё с капитанскими погонами. Всё это было в прошлой жизни, где он был хорошим следователем, а не подозреваемым в убийстве собственной жены.

Камера захлопнулась. На бетонном полу лежал чей-то окурок. Аркадий подобрал его, сунул в рот, но прикурить было нечем.

Спички с логотипом вокзала остались на столе Петра Ивановича.

Глава 3.

Отец

Месяц спустя. Кабинет генерала Бубнова.

Пахло одеколоном и старыми бумагами — этот запах Аркадий помнил с детства, когда ещё маленьким приходил к отцу на службу. Кабинет был меньше, отец носил другие погоны, но запах был тот же самый, и то же начальственное выражение лица, решающего судьбы сотрудников.

Теперь решалась его.

Аркадий стоял навывтяжку, стараясь держать спину прямо. Получалось плохо. За месяц в камере он осунулся, потерял выправку, китель висел мешком. Погон на плечах не было. Он понимал, что выглядит не как майор полиции, а как бродяга с вокзала, которого по ошибке пустили в генеральский кабинет.

Сухой, жёсткий генерал Бубнов сидел за столом. Перед ним лежало личное дело бывшего офицера. Он не смотрел на сына.

— Оружие сдал? — спросил он ровным, без единой эмоции голосом.

— У меня его давно нет. Отобрали при аресте.

— Я спросил: оружие сдал?

— Так точно.

Генерал открыл папку. Перелистнул несколько страниц. Аркадий ждал. Он знал, что отец будет говорить тихо, и от этого его слова будут бить ещё сильнее.

— Я сделал всё, что мог, — произнёс генерал. — Дело закрыто. Ты выйдешь отсюда свободным человеком.

— Пап, я не убивал. Я найду её. Дай мне дело, я сам...

— Дело закрыто, — повторил генерал, и в голосе появился металл. — Не существует больше этого дела. Ты меня понял?

Аркадий понял. И от этого понимания внутри всё похолодело. Отец не просто снял с него подозрения. Он уничтожил само расследование. Спас сына, но похоронил правду.

— Ты уволен из органов по состоянию здоровья, — продолжил генерал, словно зачитывая приговор. — Диагноз: алкогольная зависимость, осложнённая реактивным психозом. Тебе назначена принудительная психиатрическая реабилитация. Завтра поедешь в клинику.

— Психушка? — Аркадий не верил своим ушам. — Ты отправляешь меня в психушку?

— Я сохраняю тебе жизнь. — Генерал наконец поднял глаза, и Аркадий пожалел об этом. Лучше бы он продолжал смотреть в стол. В этих глазах не было ни жалости, ни любви. Только усталая брезгливость. — Ты не понимаешь, что произошло. Ты убил жену, уничтожил свою карьеру, своё имя и моё доверие.

— Пап...

— Я тебя больше не знаю, — произнёс отец. — Мой сын был хороший следователь, майор Бубнов, гордость династии. А ты — пьянь подзаборная, которую я вытащил из тюрьмы только потому, что у тебя моя фамилия.

Он закрыл папку. Встал. Подошёл к окну и застыл спиной к сыну. Плечи были прямыми, но Аркадий увидел, что отец за этот месяц постарел сильнее, чем за все предыдущие годы. Эта история съела и его.

— Завтра в восемь утра за тобой приедет машина, — сказал генерал, не оборачиваясь. — А сейчас вон.

Аркадий не помнил, как вышел из кабинета, как оказался на улице. В этот момент его воля сломалась окончательно. Если единственный человек, который всегда верил, отрёкся, — значит, всё кончено. Значит, он действительно ничтожество.

Отец спас его от тюрьмы, но отнял правду, которую генерал Бубнов только что собственноручно похоронил под справкой о реактивном психозе.

Полгода в психушке. С лекциями того самого психолога, чей голос восемь лет спустя сообщит ему о станции «Принятие».

Глава 4.

Первое купе

Он снова стоял в тамбуре.

Дед, Гога и Проекция всё так же вопросительно смотрели на него. В их взглядах не было ожидания — как у врачей, которые ждут, пока пациент осознает диагноз.

— Что я могу доказать? — спросил он тихо. — Восемь лет прошло. Срок давности истёк.

— А ты попробуй, — сказал Дед. — Срок давности не распространяется на правду. Она такая, не имеет срока давности.

Дверь вагона распахнулась. За ней тянулся длинный, уходящий в перспективу коридор купейного вагона. Тёплый жёлтый свет лился из-под дверей, в этом свете было манящее и пугающее одновременно чувство неизвестности.

— Иди, — кивнул Гога. — Там увидишь кое-что. Коли не всё пропил, то, может, чего и поймёшь.

Аркадий бесшумно открыл дверь первого купе и, не сделав и шага, почувствовал, как изменился воздух. Он стал гуще, плотнее, пропитался смесью нагретого асфальта, вокзальной пыли и дешёвого табака. Он шагнул через порог — и мир вокруг преобразился.

Под ногами был не пол вагона, а истоптанный асфальт привокзальной площади. Над головой, вместо багажной полки, нависал выцветший козырёк торгового ларька, освещённый дрожащей электрической лампочкой. Маленький вентилятор на прилавке мотал головой из стороны в сторону, с механическим упорством гоня духоту, пропитанную ванилью жвачки и горьковатым табачным ароматом.

Странное ощущение охватило Аркадия: он был здесь, но его никто не видел. Он мог наблюдать, слышать, чувствовать запахи и тепло лампочки, но сам оставался невидимым. Словно его сознание закинули в чужое воспоминание, как актёра в готовую декорацию.

За мутноватым от пыли стеклом витрины выстроились в ряд сигаретные пачки, дешёвые зажигалки, жвачки. И спички. С логотипом вокзала. Те самые. Они сразу бросились в глаза, резанули, как осколок стекла по босой ноге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.